

© 1997 г. М.Г. ГАЛЬЧЕНКО, А.Н. ЯЦЕНКО

**ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЛЕСТВИЦ 1421 И 1424 гг., НАПИСАННЫХ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И НА АФОНЕ РУССКИМ МОНАХОМ
ЕВСЕВИЕМ-ЕФРЕМОМ**

(к вопросу о втором южнославянском влиянии)

В истории письменности Древней Руси эпоха конца XIV–XV вв выделяется как период обновления репертуара книжности, существенного изменения почерков и оформления рукописных кодексов, заметных инноваций в графико-орфографических системах древнерусских писцов Эти явления были непосредственно обусловлены подъемом монастырской жизни Древней Руси этого периода, выразившимся в основании многочисленных новых обителей, прежде всего общежительного типа, переходе к Новоиерусалимскому уставу, в возрастающем интересе к аскетической литературе, оживлении контактов с другими областями православного мира, прежде всего с южнославянскими книжниками Древнерусские писцы в конце XIV–XV вв активно занимаются копированием южнославянских (главным образом болгарских) рукописей, заимствуя не только новые тексты, но и подражая в известной степени почеркам и правописанию болгарских рукописей А И Соболевский с полным основанием ввел термин "второе южнославянское влияние" для обозначения указанных явлений в древнерусской письменности [Соболевский 1894] Как справедливо пишет А А Турилов, второе южнославянское влияние – явление, обусловленное внутренними потребностями русской культурной и духовной жизни Восприятие южнославянской книжной культуры было активным, творческим процессом со стороны древнерусских книжников [Турилов 1995]

Как отмечал А И Соболевский [Соболевский 1894], в конце XIII–XIV вв у южных славян почти весь корпус текстов подвергается пересмотру и обновлению тексты славянских переводов постоянно сверяются с греческими рукописями, появляются новые переводы и редакции уже известных в славянской литературе сочинений, в частности, Лествицы Иоанна Синайского¹ [Саенко 1981, Прохоров 1989, Neppel 1957], выполняются переводы с греческого новых сочинений Русские книжники не остались в стороне от переводческой деятельности по словам А И Соболевского, в монастырях Константинополя и Афона они либо сами сверяли славянские тексты с греческими, либо просили об этом болгарских и сербских грамотеев [Соболевский 1894 154–155] Как известно, по инициативе и, очевидно, при непосредственном участии русского митрополита Алексея в Константинополе был выполнен (вероятно, в 1355 г) новый перевод Нового Завета с греческого языка на церковнославянский [Neues Testament des Cudov]

¹ Редакторская работа с текстом Лествицы южнославянских и древнерусских книжников нуждается в дальнейшем изучении Не установлены связи между собою всех многочисленных южнославянских и древнерусских списков этого крайне популярного в XIV–XV вв сочинения Такое исследование не является задачей настоящей статьи, которая полностью посвящена рассмотрению графико-орфографических особенностей Лествиц 1421 г (РГБ, Волок, 462) и 1424 г (ГИМ Усп 18 бум)

По словам Б.А. Успенского, "тексты, переписанные в Константинополе и на Афоне, ...пользовались определенным престижем в славянском мире" [Успенский 1987: § 9.2]. Многие из этих текстов, как показал Г.И. Вздорнов, неоднократно копировались древнерусскими книжниками на протяжении XIV–XVI вв. [Вздорнов 1968]. Престиж константинопольских и афонских рукописей способствовал их влиянию на древнерусскую письменность, в частности, в области орфографии.

По мнению ряда исследователей, в том числе Б.А. Успенского, Г.И. Вздорнова, А.А. Турилова, начало работы русских книжников в Константинополе стоит у истоков того явления, которое А.И. Соболевский назвал "вторым южнославянским влиянием". В связи с этим для более полного представления о процессе изменений в древнерусской письменности, связанных с указанным явлением, особый интерес представляет исследование графико-орфографических особенностей датированных рукописей, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне в конце XIV – первой половине XV в. Именно в таких книгописных центрах, как монастырь Богородицы Перивлепты в Константинополе, Лавра св. Афанасия на Афоне и некоторых других центрах древнерусские писцы непосредственно соприкасались с южнославянской и греческой книжными культурами. Для истории древнерусской орфографии важно выявить, как относились эти писцы к правописанию своих южнославянских протографов, насколько они зависели от протографов в своей работе, какие из особенностей южнославянского правописания они активно усваивали, к каким относились как к допустимым вариантам и какие практически устраняли. Интересно также сравнить степень выраженности признаков второго южнославянского влияния в рукописях, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне, с рукописями, создававшимися в тот же период времени на территории самой Руси.

Активной книгописной деятельностью (а, возможно, также редактированием и организацией переводов) занимался в монастырях Константинополя и Афона в двадцатых годах XV в. русский монах Евсевий-Ефрем. По предположению Г.И. Вздорнова, именно он заказал перевод с греческого на славянский сочинения "Слово постническо Максима Исповедника", выполненный на Афоне в 1425 г. монахом Иаковом Доброписцем [Вздорнов 1968: 195]. Запись об этом переводе воспроизведена в лисицком Сборнике 1431 г. (РГБ, ТСЛ, 175) на л. 420 об:

Ѫ́сѣ за ѿ ко́нѣца, по въпросѣ ѿ ѡвѣтъ постничь/скомѣ словѣхъ ст҃го ма́гима: –

прѣведено ѡ гръ/чьска ѡзыка на рѣйсѣскы, въ ст҃он горѣ ѡмѡнствѣ/и, в лѣт „ѡѡ,

лѣт кѣѣ ѡакшвомѣ, доброписцемѣ. оу/богомѣ ѣвсѣвѣ ѡнокѣ : –

Евсевий-Ефрем, очевидно, был знаком с греческим языком: на полях написанной им Лествицы с толкованиями 1421 г. (РГБ, Волк., 462) имеются и славянские, и греческие глоссы. Грецизированные начертания нередко встречаются в его почерке как в Лествице 1421 г., так и в Лествице 1424 г. (ГИМ, Усп. 18 бум.). Именно этим рукописям в основном и посвящена настоящая работа. Выбор указанных рукописей в качестве основного объекта исследования связан с тем, что они дают возможность проследить, как усваивались таким грамотным книжником, как Евсевий-Ефрем, различные южнославянские по своему происхождению графико-орфографические особенности. Наличие двух рукописей, написанных этим писцом, позволяет выявить, какие из указанных особенностей стабильно воспроизводятся Евсеем-Ефремом в разные моменты его книгописной деятельности и по каким параметрам наблюдается заметная вариативность. Участие в переписке Лествицы 1424 г., помимо Евсевия-Ефрема, еще одного писца позволяет, с одной стороны, с большей достоверностью установить извод и реконструировать особенности правописания оригинала, а с другой – сравнить отношение двух древнерусских писцов к этому оригиналу.

В конце настоящей статьи мы сопоставим в основных чертах особенности орфографии рукописей Евсевия-Ефрема с графико-орфографическими системами ряда

Ефремом и является комментарием к Лествице. Можно предположить, что второй писец работал в одно время с Евсевием-Ефремом. Текст на припереплетном листе III об и л. 342 написан значительно позднее (вероятно, в XVI в.). На полях рукописи также встречаются пометы, сделанные почерком XVI в. В дальнейшем мы будем рассматривать только основную часть рукописи, написанную Евсевием-Ефремом.

Состав и порядок статей, предшествующих Словам Иоанна Синайского, в Лествицах 1421 и 1424 гг. совпадают. В то же время в Лествице 1424 г. нет глосс и толкований на полях. Дополнительные статьи и толкования, следующие за основным текстом Лествицы, в рукописи 1424 г. написаны уже после писцовой приписки Евсевия-Ефрема иным почерком (третьим в этой рукописи), очевидно, того же времени, число дополнительных текстов по сравнению с Лествицей 1421 г. меньше.

Уверенный почерк Евсевия-Ефрема представляет собою младший полуустав. Этот тип почерка появляется в восточнославянских рукописях в первой половине XV в. в результате второго южнославянского влияния. Индивидуальной особенностью почерка Евсевия-Ефрема является употребление грецизированных начертаний. Подражая минускулу, писец связывает некоторые буквы между собой, особенно часто – в сочетаниях *-емь*, *-еми*, *-емѣ*. Длинный изогнутый язычок буквы *є* при этом соединяется с изогнутыми концами ножек буквы *ж* (*м*). Встречаются также грецизированные начертания типа *α*, *ε*.

В толкованиях на полях Лествицы 1421 г. практически не отмечено начертаний букв, которых нет в основном тексте, напротив, употребляются характерные для Евсевия-Ефрема начертания *ч* с укороченной левой стороной односторонней чашечки, *ж* с симметричными верхней и нижней частями, *д* с выходящим за пределы нижней строки хвостиком, размашистое выносное *х*, имеются те же лигатуры. Следует, впрочем, отметить, что некоторые варианты начертаний отдельных букв, в частности, *з* с округлой головкой, начертания *т*, *ъ*, *ѣ* с очень высокими мачтами и верхними частями, располагающимися в междустрочьи, значительно чаще встречаются в толкованиях на полях, чем в основном тексте. В целом почерк толкований, с одной стороны, характеризуется большей свободой в начертании букв, с другой – большей бористостью, связанной с ограниченностью пространства для текста.

Как будет показано ниже, орфография толкований по ряду параметров отличается от орфографии основного текста Лествицы 1421 г. В начале мы рассмотрим те графико-орфографические характеристики, по которым основной текст и толкования не расходятся между собой. Эти южнославянские по своему происхождению особенности прочно вошли в правописную норму, принятую Евсевием-Ефремом, что убедительно подтверждается наличием тех же признаков в части, написанной Евсевием-Ефремом, в Лествице 1424 г.

Как указал нам Б. М. Клосс (устное высказывание в беседе), вопреки мнению Г. И. Вздорнова [Вздорнов 1968: 194], Евсевий-Ефрем является не первым, а вторым писцом Лествицы 1424 г. (ГИМ, Усп., 18 бум.). Им написан текст на лл. 65–329. Из записи, выполненной Евсевием-Ефремом на л. 329, следует, что старец Митрофан был заказчиком рукописи, а не одним из ее писцов (как думает Г. И. Вздорнов [Вздорнов 1968: 194]).

ѣнѣ ми и старѣцѣ митрофанѣ, / ѡ гнѣ съврѣшихомъ, въ лѣтѣ, 5315 / мартіа, еі - въ
 стѣн горѣ, / цѣртѣн ѡвѣтѣли, ватопѣди - / ѡ лѣтнѣ/выи ѣ/всѣвѣе,
 непотре/вныи / ѣ/ф/ѣ/є/м/ъ

На нижнем поле л. 1 киноварью почерком анонимного первого писца рукописи имеется запись о начале работы в Константинополе в монастыре Перивлепты

ѡ хѣѣ на сътворихъ деѣ, і въ цѣрн градѣ въ иперивлептѣ

В основном первым писцом написан текст на лл 1–64 об. О том, что первый писец и Евсевий-Ефрем работали одновременно, свидетельствует наличие вкраплений (в основном в заголовках) почерка Евсевия-Ефрема на листах, основной текст которых написан первым писцом (в частности, почерк Евсевия-Ефрема имеется в заголовках на л. 32, 33 об). Ниже, говоря о Лествице 1424 г., мы будем рассматривать орфографию части, написанной Евсеием-Ефремом (Об орфографии первого писца будет сказано отдельно).

Графика Евсевия-Ефрема обнаруживает немало заимствований из графики южнославянской книжности. В частности, он употребляет графемы "о-очное" с одной и двумя точками в середине (с одной точкой – только в начале слова *око*, с двумя точками – в слове *очи*), а также особую графему в виде двух соединенных букв *о* (главным образом, в словах, обозначающих парные предметы). Буква *ы* пишется Евсеием-Ефремом только с *ь* перед *и*, а не *ъ*, как обычно в древнерусских рукописях до второго южнославянского влияния (следует, впрочем, заметить, что *ы сь* встречается в некоторых древнерусских рукописях XIII в.).

Как в основном тексте, так и в комментариях и толкованиях Лествицы 1421 г. Евсевий-Ефрем нередко использует букву *з* в звуковом значении /z/, например *сѣѣрен*, *сѣѣри* л 19, *ѡ/сказаніе* л 55, *кнѣга* л 332 об (О), *дѣвѣ/нѣмѣ* л 66, *сѣло* л 263, *дрѣвѣи* л 325 (Т) (Здесь и далее буквой О мы обозначаем основной текст, буквой Т – толкования). Написания с *з* довольно часто встречаются у Евсевия-Ефрема и в Лествице 1424 г.: *сѣло* л 68, *многѣмѣ* л 68 об, *ѡ дальсѣ* л 70 об, *полѣи* л 73, *носѣ* л. 78 об, *сѣѣремѣ* л 270 и т.п. В древнерусских рукописях эпохи до второго южнославянского влияния графема *з* использовалась только в числовом значении. В.Н. Щепкин указывал, что буква 'зелю' начинает использоваться для обозначения звука [z] в древнерусских рукописях под влиянием графики болгарских рукописей [Щепкин 1967: 130].

Для обозначения звука /u/ после букв согласных, а иногда и после гласных и в начале слов Евсевий-Ефрем наряду с диграфом *ѡу* очень часто употребляет лигатуру *ѡ*, что обычно для древнерусских рукописей эпохи второго южнославянского влияния: *погѣбити* л 9 об, *дрѣгы*, *ѡхуцрѣние* л 19, *по малѡ*, *сѣкрѣшиша* л 330 (О), *неѡсѣданѡ/ю*, *мѣтеѡ*, *въ ѡмѣ*, *ѡбо* л 66, *дѡѡ*, *ѣмѡ*, *ѡвѣдѣвѣи*, *сѣдѣ* л 325 и т.п. (Т) в Лествице 1421 г., *слѡжѣи* л 65, *ѡдрѣжимѣ*, *ѡничиженіа* л 66, *поѡвѣрѣзѣиа* л 109 и др. в Лествице 1424 г.

Графема *ѡ* "десятеричное" довольно регулярно пишется перед графемами гласных, например *прѡбрѣтѣние* л 2, *ѣжи*, *попечѣиа* л 19, *величанію* л 330 (О), *ѣжю*, *григоріе*, *приити* л 19, *въ видѣни*, *сказаніе* л 330 об (Т) в Лествице 1421 г., *ѡ тѣцеслѣвѣи*, *спѣшнѣи* л 65, *поповѣніе*, *печѣлію* л 112 и др. в Лествице 1424 г. Написания с *ѡ* "десятеричным" перед буквами гласных становятся нормативными для писцов древнерусских рукописей со времени второго южнославянского влияния, раньше эта буква употреблялась главным образом на конце строки для экономии места.

Буква *ѡ* в значении /ja/ очень часто пишется после букв гласных, например *нападѣи*, *зѡлѡ* л 10, *покаданіе* (2х), *бѣго/дѣѣни* л 80 (О), *бѣѣдѣ* л 19, *неподобѣа*, *безмѣстѣа*, *хо/тѣнѣдѣ* л 55, *дѣѣнишѣмѣ* л 1 (Т) *бѣѣтѣнѣа* *сѣѣ* (в писцовой записи на л. 324 об.) и др. – в Лествице 1421 г., *ѡ ѡдѣрѣдѣдѣ* л 65, *вещѣа* л 66, *покаданіе* л 77, *тѣѡа* л 86, *непостѡдѣнѣю* л 86 об и т.п. – в Лествице 1424 г.

У Евсевия-Ефрема нередко встречаются написания южнославянского типа в соответствии с праславянскими сочетаниями **tyt*, *-*tyt-*, *-*tylt-* (особенно часто – в толкованиях), например *дрѣжи* л 55, *дрѣзѣ*, *дѣлѣи* л 66, *скрѣ/бѣи*^х *трѣѣѣнѣи* л 80 (О), *прѣѣа* л 80, *мѣѣчѣлѣнѣѣ*, *бѣѣмѣѣнѣнѣѣ* л 263 (Т), *сѣѣрѣѣшиѣа* в писцовой записи на л. 324 об.

в Лествице 1421 г, *вє/злѣвное, жльчѣ, ѡдръжимъ* л 66, *вѣна* л 112, *дръжавѣ, скръбъ* л 77 об, *сѣврѣшишѣ* в писцовой записи на л 329 в Лествице 1424 г

Как и в подавляющем большинстве восточнославянских рукописей рассматриваемого периода, "южнославянские" написания указанных сочетаний соседствуют в Лествицах 1421 г и 1424 г с традиционными для древнерусских рукописей XIV в написаниями, например *первое, держѣ* л 25 об, *скорь* л 19 (О) в рукописи 1421 г

В соответствии с праславянским сочетанием *-*dj-* Евсевий-Ефрем последовательно (за крайне редкими исключениями) пишет жд *ѡдежѣ* л 55, *ѡсѣжѣнникъ, надежѣ* л 80, *ражѣтисѣ* л 130 и др (О), *ѡгажѣемъ* л 19, *рѡ/жѣшаго, ѡсѣжѣнню* л 66 и т п (Т) в Лествице 1421 г, *ѡсѣжѣати* л 65 об, *ѡхѡжѣемъ* л 70, *прежѣ* л 313 и др в Лествице 1424 г Написания с жд в соответствии с *-*dj-*, характерные для южнославянских рукописей, легко усваивались древнерусскими писцами, поскольку эта орфографическая особенность была свойственна восточнославянским рукописным книгам XI–XII вв, где она появилась в результате "первого" южнославянского влияния с принятием христианства и книжной культуры

Почти по всем указанным выше параметрам графика-орфографическая система первого писца Лествицы 1424 г аналогична системе, принятой Евсевием-Ефремом, т е первый писец так же употребляет букву *z* в звуковом значении /z/, графему *ѡ* в середине строки, *ѣ* перед буквами гласных, букву *ѣ* после букв гласных в значении /ja/ имеются у него и графема "о-очное", и особая графема в виде двух соединенных *ѡ*. В соответствии с праславянским *-*dj-* он регулярно пишет жд В употреблении "южнославянских" написаний слов с праславянскими сочетаниями *-*tyt-*, *-*rѣrt-*, *-*rѣlt-* он, однако, не столь последователен, как Евсевий-Ефрем в начале рукописи у первого писца преобладают написания "древнерусского" типа (например, *ѡтѣвержѣннѡ* л 5 об, *миродержитѣлѣ* л 2), а затем значительно чаще начинают употребляться "южнославянские" варианты (типа *трѣпѣнѣ, дрѣжи* л 52, *вєзмѣнѣ* л 61 и т п) Следует отметить, что первый писец Лествицы 1424 г в начале работы меньше ориентировался на написания оригинала, но в процессе письма зависимость этого писца от орфографии оригинала, очевидно, все больше возрастала, чего нельзя сказать о Евсевии-Ефреме, который был значительно свободнее и избирательно относился к особенностям правописания оригинала Ориентация первого писца на орфографию оригинала позволяет нам достаточно надежно реконструировать основные особенности правописания этого оригинала и определить его извод как среднеболгарский (с характерной для этого извода меной юсов, написаниями с *ѣ* в соответствии с /'a/ и т п – см подробно ниже)

В части рукописи, написанной первым писцом, изредка встречается особая графема, встречающаяся в болгарских рукописях, – *з* "с молоточком" (вероятно, употребляемая русскими писцами в значении /z/, как и обычная буква *з*) У Евсевия-Ефрема эта графема нам не встретилась

Из числа знаков акцентуации, появляющихся в древнерусских рукописях со времени второго южнославянского влияния, в Лествице 1421 г часто употребляются *исо*, *оксия*, *вария*, *кендема*, встречается также великий апостроф (почти исключительно в основном тексте) и изредка – *камора* Паерок употребляется главным образом в основном тексте Все надстрочные знаки, употребляющиеся в основном тексте Лествицы 1421 г, отмечены и в Лествице 1424 г, в последней рукописи *камора* встречается чаще, чем в первой Все знаки, имеющиеся у Евсевия-Ефрема, употребляет и первый писец Лествицы 1424 г

Из строчных знаков, кроме традиционной для древнерусских рукописей точки, Евсевий-Ефрем очень часто употребляет запятую Как отмечал В Н Щепкин, запятая приходит в русское правописание в качестве знака правописания со вторым южнославянским влиянием [Щепкин 1967 131] В Лествице 1424 г отмечен и другой

строчной знак, пришедший в древнерусскую письменность из южнославянской – точка с запятой

Таким образом, в графико-орфографическую систему Евсевия-Ефрема прочно вошли такие южнославянские по своему происхождению особенности, как употребление в звуковом значении /z/ буквы **ѣ**, буквы **а** после букв гласных в соответствии с /ja/, графемы **і** перед буквами гласных, **ѣд** в соответствии с *-*dj-*, употребление "южнославянских" написаний сочетаний *-*tbit-*, *-*tbit-*, *-*tbit-*, использование акцентных знаков и запятой. Анализ материала просмотренных нами 87 древнерусских датированных рукописных книг конца XIV – первой половины XV в. показал, что именно указанный набор "южнославянизмов" с небольшими различиями (чаще всего за исключением "южнославянских" написаний сочетаний *-*tbit-*, *-*tbit-*, *-*tbit-*) наиболее рано и прочно усваивается большинством древнерусских писцов. По указанным параметрам их графико-орфографические системы обычно обладают наименьшей вариативностью [Гальченко 1996]. Эти же признаки (за исключением "южнославянских" написаний сочетаний *-*tbit-*, *-*tbit-*, *-*tbit-*, но включая употребление буквы **ѣ** в словах с неполногласными сочетаниями) сохраняются в древнерусской письменности (хотя бы частично) после эпохи второго южнославянского влияния [Успенский 1987 § 11 7]. Легко заметить, что из числа всех графико-орфографических "южнославянизмов", встречающихся в древнерусских рукописях эпохи второго южнославянского влияния, перечисленные особенности в наименьшей степени затрудняют чтение и понимание текста носителями восточнославянских диалектов. Так, например, хотя написания с буквой **а** после букв гласных в соответствии с /ja/, очевидно, не соответствовали ни живому, ни церковному произношению [Успенский 1987 § 7 14], однако они являются одним из наиболее рано (с конца XIV в.) появляющихся в древнерусских рукописях признаков второго южнославянского влияния и легко входят в графико-орфографическую норму русских книжников. Вероятно, это обусловлено тем, что подобные написания (наряду с написаниями с **а**, **а**) были обычны в древнерусских рукописях и до второго южнославянского влияния в определенных категориях слов – именах собственных типа **маковѣ**, некоторых заимствованных словах (например, **диаволѣ**). Кроме того, в данном случае соответствующее нормам орфоэпии прочтение указанных написаний обеспечивалось очень простым правилом. Поэтому написания с буквой **а** после букв гласных в соответствии с /ja/ в период второго южнославянского влияния очень быстро стали привычной орфографической условностью "Южнославянские" написания сочетаний редуцированных с плавными (типа **ѿверъзе** л. 86, **напальмати** 108 об в Лествице 1424 г.), усваивавшиеся некоторыми древнерусскими писцами, в том числе Евсевием-Ефремом, на наш взгляд, тоже не создают больших трудностей при чтении поскольку тот или иной корень легко распознать благодаря буквам согласных, которые играют основную смысловозначительную роль, а буквы **ѣ**, **ь** ассоциировались у писцов рассматриваемого периода с нулем звука. Чтение и понимание древнерусскими книжниками указанных написаний было, вероятно, аналогично чтению слов под титлом, которые также легко узнавались благодаря буквам согласных. В пользу этого предположения свидетельствует наличие во многих древнерусских рукописях конца XIV–XV вв. и, в частности, в рукописях Евсевия-Ефрема, написаний слов с сочетаниями типа *-*tbit-*, *-*tbit-*, *-*tbit-* без букв гласных и без **ѣ**, **ь**, например **скѣрѣнѣ** в Лествице 1424 г., л. 120 об. Более того, некоторые из слов с указанными сочетаниями нередко пишутся под титлом, например **сѣмѣрътъ** (Лествица 1424 г., л. 94 об).

Обратимся теперь к рассмотрению тех графико-орфографических характеристик, по которым письмо Евсевия-Ефрема обладает выраженной вариативностью.

Графико-орфографические системы основного текста и толкований в Лествице 1421 г. наиболее заметно отличаются между собою частотностью употребления буквы

"юс большой" и соответственно частотой написаний с ж вместо ѡ и наоборот и с ж вместо ѣ, а также по признаку наличия или отсутствия написаний с ѣ в соответствии с /'а/.

В основном тексте Лествицы 1421 г. буква ж довольно часто употребляется в соответствии с этимологическим "о-носовым", например: **сѣции**, **полѡжд** 1 ед. л. 9 об, **живѣще** л. 21, **въ вѣрѣ** л. 55, **помѡждѣ**, **пѣти**, **лѣкѣства**, **не хѡщѣ** 1 ед. л. 130 и т.п. Как в большинстве известных нам восточнославянских рукописей рассматриваемого периода, наряду с написаниями, подобными приведенным, в основном тексте Лествицы 1421 г. нередки и традиционные для древнерусской письменности написания с ѡу, ю и ѡ в соответствии с праславянским "о-носовым": **вѣдет** л. 130, **пре^лѡженю** ѡ **ѡу^терѣ/ж^еннѡ** **добрѡдѣтелец** **лѣ/ствицѣ** л. 323 об., **сѡу^?** л. 331 и др. В толкованиях буква ж встречается крайне редко, нами отмечены лишь единичные случаи ее употребления, и то не на полях, а в различных текстах на листах, следующих после основного текста Лествицы (например: **лѣжж** ж.ед. л. 341). В части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом, "юс большой" встречается лишь спорадически и в большинстве случаев – в соответствии с этимологическим "о-носовым", например: **ж^трѡвѣ** л. 77 об, **враж^ж**, **тж** Р.ед. 167.

В части этой рукописи, написанной первым писцом, "юс большой" употребляется значительно чаще, однако наблюдаются колебания по частоте употребления этой буквы в разных фрагментах текста.

Написания с ж вместо ѡ и наоборот редки в основном тексте Лествицы 1421 г. (например: **ѡбъѡвѡжд** прич. л. 66, **ѡмѡ/цѡмѡ**, **ѡмѡци** л. 263, **прѣѡмѡцѡ** Д. л. 323) и практически не встречаются в толкованиях (за исключением отдельных не вполне ясных случаев). В Лествице 1424 г. у Евсевия-Ефрема подобные написания также крайне редки (**вѡзмѡвьѡствоуж** прич. л. 270, **намѡзж** прич. л. 305). Таким образом, типичная для среднеболгарских рукописей мена юсов, очевидно, имевшаяся и в оригиналах, которыми располагал Евсевий-Ефрем (в пользу чего могут свидетельствовать значительно более частые (особенно с 50-х листов) написания с меной юсов у первого писца Лествицы 1424 г.: **сѡдѣѡющѡ** мн. л. 13, **намѡ прѣ^стоѡци**, **нѣкѡж** **вѡсѣды** **творѡщѣ** **назнамена** **пѡстырь** л. 53 об., **сѡзѡвѡж** прич. л. 54 и т.п.), не входит в орфографическую норму Евсевия-Ефрема (или находится на ее периферии), хотя один случай такой мены встретился в его приписке в Лествице 1421 г.:

въ цѣрѡстѣи ѡ^внтѣли прѣ^стыѡ **влѡчицѡ** **нѡ/ша** **бѣж** ѡперѡвѡпто л.324об.

Вероятно, русский писец неоднократно встречался с подобными написаниями с меной юсов в писцовых записях болгарских книжников.

Интересно, что в основном тексте Лествицы 1421 г. в отдельных случаях встречается графема ѡ, почти полностью исчезнувшая из древнерусской письменности после XII в. (например: **вѡ^коѡ** клетки л. 9 об., **въ/сѡ^ко** л. 130, **ѡбъѡвѡжд** прич., л. 66). В указанных случаях эта графема употреблена не в соответствии с праславянскими носовыми гласными, а в соответствии с /'а/. Следует заметить, что после букв исконномягких согласных Евсевий-Ефрем нередко пишет ѡ, хотя в остальных случаях в середине слова он обычно употребляет ѡ.

Обычные для среднеболгарских рукописей написания с ж в соответствии с *ъ в союзе нѣ встречаются в основном тексте Лествицы 1421 г.: **нж** л. 21, л. 55, л. 130, л. 323 об. и др. В толкованиях Лествицы 1421 г. подобные написания практически отсутствуют, как и в части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом (у первого писца этой рукописи такие написания имеются: **нж** л. 2, 7 об, 20 **нж** л. 5 об, 11, 36, 41, 42 об (2х), 47 об и др.).

В тексте толкований Лествицы 1421 г. довольно часты написания с ѣ в

соответствии с /'а/, аналогичные тем, что встречаются в болгарских рукописях:

разарѣть, всѣко л.1, ѡзга/ваѣет л.19, ѡединѣ/тиса, промышлѣюща, въ

прѣжанѣа л.325, ѡвалѣшѣ, ѡставлѣшѣ Зед., ѡ/зышнѣа, въстѣчьских л.331об,

недостатко^а ѡгнѣ л.333 и т.п.

В основном тексте этой рукописи такие написания практически отсутствуют. Большой интерес, на наш взгляд, представляет тот факт, что в очень многих исследованных нами древнерусских датированных рукописях первой трети XV в. наблюдаются подобные различия по указанным признакам между разными частями текста в пределах одного и того же почерка. Так, например, в четвертом почерке созданного для Троице-Сергиевского монастыря Сборника с Диоптрой инока Филиппа 1418 г. (РГБ, ТСЛ, 190), которым написаны листы 251 (от начала Послания старца Варсонуфия к Иоанну) — 291 об (до середины 13 строки), в тексте до л. 277 (с которого начинается текст Послания св. Василия епископа Амасийского) регулярно употребляется ж, имеются написания с меной юсов и буквой ѣ в соответствии с /'а/, а на листах 277—291 эти орфографические особенности практически исчезают². Именно по указанным признакам (т.е. употреблению ж, мене ж-а, а также написаниям с ѣ вместо а, а в соответствии с /'а/) наблюдается наибольшая вариативность и нестабильность письма у многих древнерусских писцов, что представляется вполне закономерным, поскольку эти орфографические особенности не только не находили опоры ни в живом, ни в церковном произношении древнерусских книжников, но и в определенной степени затрудняли процесс чтения и понимания текста (особенно это касается мены юсов, из-за которой у носителя древнерусского языка могли возникать проблемы с определением падежей имен и различием форм настоящего времени глаголов 1 л. ед. ч. и причастий).

Крайне редки написания с ѣ в соответствии с /'а/ в части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом (например: всѣко л. 65), в то время как у первого писца в начале рукописи такие написания тоже редки, но с 50-х листов встречаются чаще: всѣкого л. 5об, ѡвалѣща, придалѣти повел. 52 об., всѣко л. 64 и др.

Если древнерусский писец стремился избежать в своем тексте отражения таких особенностей своего среднеболгарского оригинала, как мена юсов, написания с ж вместо ѣ (типа ж), а также написания с ѣ в соответствии с /'а/, он должен был переписывать текст не механически, а проверять написания оригинала своим произношением. Это задача более трудная, чем простое копирование текста. Впрочем, можно предположить, что в процессе понимания текста непривычно написанная в оригинале форма обязательно "озвучивалась" в сознании писца в соответствии с привычным для этого писца произношением. В случае с меной юсов процесс понимания текста был, вероятно, достаточно непростым, о чем свидетельствуют такие ошибки, как написания с а, а вместо ю и наоборот у многих древнерусских писцов, переписывавших среднеболгарские тексты [Гальченко 1994: 9—10]. Судя по написанной Евсевием-Ефремом Лествице 1421 г. и фрагменту Лествицы 1424 г., он хорошо справлялся с такими проблемами: указанные ошибки практически отсутствуют. Возникавшая у Евсевия-Ефрема и многих древнерусских писцов, работавших в рассматриваемый период со среднеболгарскими текстами, нестабильность и вариативность письма по указанным выше параметрам, на наш

² Похожая картина наблюдается в первом почерке Лествицы с прибавлениями 1422 г., написанной в Кириллово-Белозерском монастыре (РНБ, Кир.-Бел., XI), а также в одном из многочисленных почерков Троице-Сергиевского Сборника аскетических сочинений 1425 г. (РГБ, ТСЛ, 5). Различная частота употребления буквы ж наблюдается в Сборнике аскетических сочинений 1429 г. (РНБ, Солов., 1133/1243) и некоторых других рукописях.

взгляд, вовсе не свидетельствует о недостаточном профессионализме этих писцов. Очевидно, в этот период традиционные графико-орфографические нормы, выработанные древнерусскими книжниками в XIII—XIV вв., уже не обладали абсолютным авторитетом, но, с другой стороны, среднеболгарское правописание также не стало во всех отношениях нормативным для большинства древнерусских писцов. Вероятно, вариативности способствовали и сугубо психологические факторы, в частности, такие, как усталость, спешка или привычка: если, например, в начале работы писец мог более избирательно относиться к орфографическим особенностям оригинала, то под влиянием усталости или вследствие постепенного привыкания к орфографии оригинала работа писца все больше приближалась к простому копированию, что мы и наблюдали у первого писца Лествицы 1424 г. Мог происходить и обратный процесс постепенного освобождения от влияния оригинала.

У Евсевия-Ефрема вариативность орфографии проявляется не только в отношении указанных выше типичных "болгаризмов". Существует определенное различие между основным текстом и толкованиями Лествицы 1421 г. по частоте написаний неполногласных сочетаний с сонантом /r/ с буквой ѣ (как в южнославянских рукописях) и с буквой е (написания с е типичны для древнерусских рукописей до эпохи второго южнославянского влияния). В основном тексте встречаются почти исключительно написания неполногласных сочетаний с е, например *преноси/ти* л 10, *превываюце*, *преле/стное* л 25, *въ преднюю любо/въ* л 19, *на древѣ* л 55, *ѿ чревоѡбыдѣнѣ* л 130. В толкованиях, напротив, преобладают написания с ѣ: *не стажавшѣ прѣдѣниѣ* л 19, *прѣжѣе*, *прѣдѣстивса*, *въ прѣжѣнѣа* л 325 и т. п. В части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом, неполногласные сочетания с сонантом /r/ пишутся значительно чаще с буквой е (*чревоѡбыдѣнѣ*, *посреѣ* л 65, *претръпи* л 69, *небрегомы* л 81, *въ время* л 116 и др.), чем с буквой ѣ (например, *въ времѣа* л 112). Следует заметить, что и в древнерусских рукописях XIII—XIV вв. не было полной унификации правописания по указанному параметру. Хотя в них и наблюдается общая тенденция к замене в словах с неполногласными сочетаниями с сонантом /r/ буквы ѣ буквой е, но эта тенденция действует не одинаково последовательно в разных регионах Древней Руси (во многих юго-западных рукописях, по нашим наблюдениям, сохраняются написания с ѣ в указанных случаях), у разных писцов и в различных лексемах [Гальченко 1989. Приложение 76—81].

Кроме указанных наиболее заметных отличий орфографии основного текста и толкований Лествицы 1421 г., имеются и некоторые другие. В основном тексте практически совсем не встречаются написания с буквой ь вместо ѣ на конце слов, в то время как в толкованиях и дополнительных текстах (главным образом в текстах, следующих после основного) имеются отдельные написания с ь вместо ѣ на конце предлогов, например *къ/срѣднемѣ*, *въ срѣднѣиѣ*, *въ сиѣ* л 331 об., *въ десныѣ* л 332. Следует заметить, что написания с ь вместо ѣ на конце слов в целом не входят в графико-орфографическую норму, принятую Евсевием-Ефремом, что справедливо не только для Лествицы 1421 г., но и для части, написанной этим писцом в Лествице 1424 г., хотя, вероятно, такие написания встречались в южнославянских оригиналах, которыми он пользовался (в Лествице 1424 г. об этом могут свидетельствовать спорадические примеры мены ѣ—ь на конце слов у первого писца этой рукописи, работавшего одновременно с Евсевием-Ефремом: *ѿ множества вшииѣ* л 61, *ѿскѣпѣ*, *ѿскѣпѣиѣ* еѣ, *грозѣ* л 64). У Евсевия-Ефрема в обеих рукописях встречаются написания с ѣ вместо ь после шипящих и ц, также обусловленные, по-видимому, влиянием южнославянского оригинала, например, *прѣмлющѣ*, *превывающѣ* л 55, *сщцѣства* л 9 об., *въ мѣчѣсѣ* л 66, *кѣпѣцѣ* л 80, *сѣдѣщѣ* л 323 — Лествица 1421 г. (основной текст), *стрѣтотръпѣцѣ* л 76 об., *сѣдѣщѣ* л 146, 327 об., *жилицѣ* л 114 об. — Лествица 1424 г. Поскольку шипящие и /с/ являются согласными, непарными по твердости—мягкости,

написания с ъ не препятствовали смысловозначению и не противоречили языковому сознанию древнерусских писцов, для которых противопоставление по твердости—мягкости было фонологически значимым. Этим объясняется вариативность написаний с ъ и ь после букв шипящих и ц у Евсевия-Ефрема и некоторых других древнерусских писцов в рассматриваемый период. Заметим, что написания с ъ после букв шипящих и ц переживают эпоху второго южнославянского влияния и встречаются в древнерусских рукописях конца XVI—XVII вв. и в печатных изданиях этого и даже более позднего времени.

В целом можно отметить, что в графико-орфографическую норму Евсевия-Ефрема, как и многих других древнерусских писцов, прочно входят те особенности (перечисленные нами выше), которые были общими для южнославянских рукописей (как сербских, так и болгарских) и которые при этом не слишком затрудняли чтение и понимание текста носителями восточнославянских диалектов. Допустимо выдвинуть гипотезу, что в процессе становления новой орфографии в период второго южнославянского влияния определенную роль могли играть графико-орфографические правила древнерусские писцы усваивали прежде всего те особенности южнославянского правописания (даже достаточно искусственные и не соответствовавшие фонетике живого языка писцов), которые легко поддавались обобщению в виде правила (например, написания с а в соответствии с /ja/), а те орфографические особенности, которые на восточнославянской почве обобщению не поддавались, писцы могли воспроизводить, но сколько-нибудь прочно не усваивали (это относится, например, к мене юсов). По мнению В. М. Живова, второе южнославянское влияние способствовало появлению искусственных графико-орфографических и грамматических правил, стимулировало развитие грамматического подхода [Живов 1993: 108].³

Специфические болгаризмы (прежде всего такие, как мене юсов, явно осложнявшая восприятие текста древнерусскими читателями) находятся на периферии нормы, принятой Евсевием-Ефремом, они могут то употребляться, то практически не употребляться им. Сербизмы в текстах, переписанных Евсевием-Ефремом, нами вовсе не обнаружено. Влияние среднеболгарского правописания в большей степени сказывается в части Лествицы 1424 г., написанной первым писцом, чем в части, написанной Евсевием-Ефремом, причем в процессе переписывания текста зависимость орфографии первого писца от орфографии оригинала непрерывно возрастала.⁴ Материал просмотренных нами 87 датированных древнерусских рукописей конца XIV — первой половины XV в. свидетельствует об ориентации древнерусских книжников на правописание только среднеболгарских, но никак не сербских рукописных книг. В этом отношении не составляют исключения датированные рукописи, написанные древнерусскими книжниками в рассматриваемый период в Константинополе и на Афоне.

Следует особо отметить, что, несмотря на непосредственный контакт Евсевия-Ефрема в Константинополе и на Афоне с южнославянскими книжниками и книжностью, степень ориентации этого писца на среднеболгарское правописание не большая, чем у писцов многих известных нам датированных рукописей рассматриваемого периода, написанных на территории Древней Руси. Писцы некоторых таких рукописей, в частности, спасо-андрионовского Евангелия тетр 1416 (ГИМ, Чертк., 42/256) [Гальченко 1994: 32—41], ориентируются на среднеболгарское правописание даже в значительно большей степени, чем Евсевий-Ефрем. Однако если сопоставить

³ Результаты развития грамматического подхода к тексту можно видеть уже у древнерусских книжников XVI в., в частности, ярким проявлением такого подхода является диалог Максима Грека и Нила Курлятева воспроизводимый Нилом [Кепперт 1985].

⁴ У первого писца отмечены только два написания с буквой ѳ вместо а, которые можно рассматривать как сербизмы, но одно из этих написаний могло появиться вследствие пропуска слога (иже въ книзѣ животныи на месецѣхъ написати своя ѳмаѣ (вместо ѳмена?) текъцима ѳ л. 5 об), а другое могло возникнуть в результате графической аналогии (гостителѣ же еѳ (вместо еѳ?) творца л. 54).

древнейшие рукописи, написанные русскими писцами в Константинополе и на Афоне, с рукописями, создававшимися в то же время на территории Древней Руси, картина будет иной. Наши исследования подтверждают справедливость упомянутого выше тезиса о том, что начало работы древнерусских книжников на Афоне и в Константинополе имеет самое непосредственное отношение к началу второго южнославянского влияния в древнерусской письменности.

Древнейшей датированной рукописью, в графико-орфографической системе которой обнаруживаются первые проявления второго южнославянского влияния, на наш взгляд, следует считать Евангелие тетр (ГИМ, Син., 742), написанное на пергамене уставом, переходящим в старший полуустав, в Константинополе в 1383 г., согласно писцовой записи на л. 282:

написа/хъ стое блговѣстне лѣтѣ ~~ж~~ сѣ / ѿ ѣ аи мѣца маѣа въ бго/спасаемѣмъ и
славнѣмъ гра/дѣ црѣтѣмъ константинополи

Графика и орфография созданного в Константинополе, вероятно в 1355 г., Чудовского Нового завета, как справедливо указывает Б. А. Успенский [Успенский 1987 § 9.3], отражает скорее стремление его создателей к грецизации правописания, чем южнославянское влияние. В этой рукописи встречаются грецизированные начертания ряда букв (в том числе ψ в виде υ), употребляется ω , особая графема в виде двух соединенных букв ϕ , нередкая в греческих рукописях, лигатура δ (пришедшая в славянскую письменность из греческой) в середине строки, имеются написания с буквой λ после графем гласных в значении /ja/ (как известно, в греческом письме нет йотированных букв), употребляются знаки акцентуации (исо, оксия, вария, камора). Как отмечает А. А. Зализняк, акцентуация Чудовского Нового завета отражает ударение восточнославянских говоров, в отличие от акцентуации более поздних древнерусских рукописей, в значительной степени воспроизводящих постановку знаков ударения в южнославянских протографах [Зализняк 1985: 198]. Чудовский Новый завет является единственной из известных нам рукописей, где можно наблюдать грецизацию почти без "южнославянизации". Впрочем, маловероятно, чтобы переводчики Чудовского Нового Завета были вовсе незнакомы с памятниками южнославянской книжности и не контактировали в Константинополе с южнославянскими писцами и переводчиками. Влияние южнославянских рукописей на рассматриваемую рукопись можно видеть в отдельных редких написаниях с буквой λ в неполногласных сочетаниях с сонантом /r/ и не менее редких написаниях с буквой λ вместо λ на конце слов.

В более поздних древнерусских рукописях грецизмы выступают только наряду с южнославянизмами. Грецизмы проникают в древнерусское письмо, как правило, не непосредственно из греческих рукописей (заново переведенный с греческого Чудовский Новый завет в этом отношении безусловно является исключением), а через посредство письма среднеболгарских рукописей, которым были присущи соответствующие грецизирующие написания, что и позволило нам выше говорить, например, о написаниях в древнерусских рукописях с буквой λ после графем гласных в значении /ja/ как об одном из проявлений второго южнославянского влияния (поскольку подобные написания, очевидно, переносились русскими книжниками из южнославянских рукописей, где эти написания появились в качестве подражания греческому письму).

В Евангелии 1383 г., кроме сравнительно частого употребления буквы λ после графем гласных в значении /ja/, редких написаний с δ в середине строки (в этой позиции в данной рукописи чаще употребляется диграф $\phi\psi$) и графемой ι перед буквами гласных не на конце строк, имеются написания слов с праславянскими сочетаниями $^*tbrt-$, $^*tbit-$, $^*tblt-$ "южнославянского типа" (например $\text{връх}\phi\psi$ л. 4 об). Правда, подобные написания встречаются только в начале рукописи, а затем почти исчезают.

Кроме того, в соответствии с *-*dj-* в данной рукописи весьма часто пишется жд В рассматриваемой рукописи нередки также написания с буквой ѣ в неполногласных сочетаниях с сонантом /т/ В Евангелии 1383 г регулярно употребляется буква ы, имеющая в своем составе ѣ (В Чудовском Новом завете ы пишется только с ѣ) Из знаков акцентуации в этой рукописи употребляется главным образом кендема, другие знаки встречаются редко, а некоторые (камора, великий апостроф) практически отсутствуют Кроме традиционной для древнерусских рукописей точки, в Евангелии 1383 г весьма часто употребляется запятая

Более выражены признаки южнославянского влияния в Диоптре инока Филиппа (ГИМ, Чуд, 15), написанной, как указано в писцовой записи на лл 94об — 95, в Константинополе в 1388 г

в лѣѣ ѣ ѣ ѣ ѣ списана въѣ книга сѣ/м рекомама по елланноѣ. диоптра / по наѣ
 же зеркало въ бгоспсеноѣ ко/стантинополн въ державноѣ/ лѣто цѣтва кванѣ
 палелогга при/ архнепѣ ннѣ мѣца генварна / въ глемѣн цѣстѣн обителн /
 нпернвлето рѣкою сѣннаго/ слугѣ кнрѣ зиновна

В Диоптре инока Филиппа 1388 г, кроме написаний с ѣ в середине строки и с буквой а после графем гласных в значении /ja/, отмечено сравнительно нередкое употребление графемы ѣ перед буквами гласных не на конце строк (например невниманна, красованик, шращеник, в'здыханна л 2б, злодѣанемѣ, прѣхоженіе л 72б, мочискино л 81б) К "южнославянизмам" в области орфографии в этой рукописи следует отнести написания "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями *-*tyt-, -*tyt-, -*tylt-* (например зръцало, зръцало, скеръны, испльнь, длъготю л 1 об, мрътвость л 72б), случаи употребления жд в соответствии с *-*dj-* (претроуждѣшимсѣ л 1ба, оутверждѣнъ л 32б, рождѣнн л 73б, вѣждѣ л 86б и др), а также, с определенными оговорками (см выше), написания с буквой ѣ в неполногласных сочетаниях с сонантом /т/

В отличие от Евангелия 1383 г в Диоптре обычно употребляется буква ы с ѣ (ы с ѣ встречается довольно редко)

Из числа надстрочных знаков в этой рукописи употребляется паерок и некоторые акцентные знаки (наиболее часто — кендема, по нашим наблюдениям, ранее всех других знаков усваивавшаяся древнерусскими писцами, и заметно реже — исо, оксия и вария) Из строчных знаков, кроме обычной для древнерусских рукописей точки, очень часто употребляется запятая, встречается и точка с запятой Почерк Диоптры — мелкий устав, практически лишенный следов влияния южнославянских почерков Следует отметить, что круг "южнославянизмов", отмеченных в Евангелии 1383 г и Диоптре инока Филиппа 1388 г, в основном совпадает с кругом "южнославянизмов", свойственных древнерусским рукописям XI—XII вв Только использование знаков акцентуации, частые написания с буквой а после графем гласных в значении /ja/ (не только в собственных именах), употребление графемы ѣ перед буквами гласных не на конце строк было не свойственно древнейшим восточнославянским рукописям Эти особенности в принципе можно рассматривать как проявление тенденции к "грецизации" графики и орфографии В этом смысле особенности графики и орфографии рассматриваемых рукописей, казалось бы, можно описать в терминах "архаизация" и "грецизация", как предлагала Л П Жуковская [Жуковская 1987] По-видимому, усвоение указанных графико-орфографических "южнославянизмов" древнерусскими писцами конца XIV в облегчалось тем, что данные особенности они встречали в древнейших восточнославянских рукописях, которыми эти писцы, вероятно, пользовались в своих монастырских библиотеках на родине Однако мы не располагаем достоверными данными в пользу предположения о с о з н а т е л ь н о й

архаизации, сознательной ориентации на правописание древнейших восточнославянских кодексов⁵. Логичнее, на наш взгляд, предположить, что русские писцы, работавшие в Константинополе и на Афоне, ориентировались на находившиеся в их распоряжении южнославянские оригиналы, но относились к их правописанию избирательно, вводя в свой текст только те графико-орфографические особенности, которые в наименьшей степени затрудняли чтение и понимание текста русскими читателями и в наименьшей степени вступали в конфликт с традиционным для восточнославянских рукописей XIV в. правописанием, которое, вероятно, оставалось для этих писцов еще в какой-то мере авторитетным. Следует заметить, что подобным образом выглядит лишь самое начало процесса: в XV в., особенно начиная с середины 10-х годов, древнерусские писцы начинают активно вводить в свои рукописи особенности среднеболгарского правописания, неизвестные русским рукописям XI—XII вв. (такие, как мена юсов, мена ж-ъ и др. — см. подробнее [Гальченко 1994: 60—69]).

В ряде датированных рукописей 80-х — начала 90-х гг. XIV в., созданных на территории Древней Руси, в частности, Сборнике с Пандектами Никона Черногорца, написанном в серпуховском Высоцком монастыре в 1381 г. (ГИМ, Син., 193), Словах постнических Василия Великого 1383 г. (ГИМ, Чуд., 10), Пандектах Никона Черногорца 1390 г., написанных в Рязанской области в монастыре на Солодше (БАН), те же "южнославянизмы" в графике и орфографии, что и в написанных в Константинополе Евангелии 1383 г. и Диоптре инока Филиппа 1388 г., встречаются как довольно редкие исключения или вовсе отсутствуют [например, в новгородских Апостоле 1391 г. (РНБ, Пог., 26) и Минее 1398 г. (БАН, 34.7.5)]. Из просмотренных нами рукописей этого времени (дата которых устанавливается достаточно надежно) только в Евангелии Кошки (РГБ, ТСЛ, III № 4/ М. 8654) около 1392 г. наблюдается выраженное южнославянское влияние в области графики и орфографии (проявляющееся в употреблении ы с ъ, графем з "с молоточком", s в значении /z/, лигатуры ѿ в середине строк, написаниях с буквой ѧ после графем гласных в значении /ja/, с і перед буквами гласных, частых написаниях с буквой ѡ вместо ѣ на конце слов, случаях употребления жд в соответствии с -*dj-, наличии написаний "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями -*tbrt-, -*tbrt-, -*tblt-, отдельных редких случаях употребления "юса большого" и мены юсов, использовании всех видов акцентных знаков, а также запятой и точки с запятой).

Таким образом, сколько-нибудь заметные проявления второго южнославянского влияния в конце XIV в. обнаруживаются в первую очередь в тех рукописях, которые были написаны древнерусскими писцами непосредственно в Константинополе и на Афоне. Однако очень скоро, по-видимому, уже в 90-х годах XIV в. на территории Древней Руси начинают создаваться рукописи с не менее, а иногда и более выраженным южнославянским влиянием, чем в рукописях, написанных восточнославянскими писцами в этот период в Константинополе и на Афоне (наиболее ярким примером является упомянутое выше Евангелие Кошки, созданное около 1392 г. в Москве [Вздорнов 1980: № 57]).

Заметим, что первые проявления второго южнославянского влияния наблюдаются прежде всего в области текстов, впервые, как новые переводы Лествицы или Диоптра инока Филиппа, приходивших на Русь от южных славян (А.А. Турилов, из лекции), почти одновременно с этим — в сфере графики и орфографии, и лишь несколько позднее — с начала XV в. — в области почерков. Нам не известны рукописи ранее XV в.,

⁵ Нам достоверно известен только один случай такой ориентации, и то крайне непоследовательной и, вероятно, в значительной степени произвольной: как было установлено нами [Гальченко 1994: 51—60], писцы спасо-андрониковского Изборника 1403 г. частично воспроизводят некоторые графико-орфографические особенности своего непосредственного оригинала — Изборника 1073 г. Однако именно благодаря частичному следованию древнему оригиналу спасо-андрониковский Изборник заметно отличается от других современных ему древнерусских рукописей, в частности, написаниями с шт в соответствии с -*tj-, -*kt'.

написанные младшим полууставом. Активное распространение младшего полуустава наблюдается приблизительно с середины 10-х годов этого столетия.

В известных нам датированных рукописях, созданных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне в 20-х—40-х годах XV в., проявление второго южнославянского влияния в почерках, графике и орфографии не отличается от проявления этого феномена в почерках, графике и орфографии большинства рукописей, написанных на территории Древней Руси, особенно в северо-восточных областях.

Авраамий, писец Сборника житий с житием Григория Акрагантского 1431 г. (РГБ, Егор., 543), написанного, как следует из записи этого писца на лл. 104—104об, на Афоне в Лавре св. Афанасия и принесенном им в Тверь, наиболее прочно усваивает в основном те же графико-орфографические "южнославянские" особенности, что и Евсевий-Ефрем: употребление **ъ** в значении /z/, лигатуры **ѣ** в середине строк, буквы **а** после графем гласных в значении /ja/, **і** перед буквами гласных, употребление **жд** в соответствии с -*dj-, написания "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями -*ьrt-, -*ьrt-, -*ьlt-, использование некоторых акцентных знаков (в отличие от Евсевия-Ефрема, за исключением каморы и великого апострофа), запятой. точки с запятой. "Юс большой" встречается в рукописи 1431 г., но его употребление нерегулярно; случаи мены юсов встречаются только спорадически, причем один раз — в писцовой записи. Приводим эту запись полностью:

Въ лѣтѣ ̅. ̅. ̅. ̅. съписася книга сѣа / въ стѣ(ѣ из е)и грѣ(sic!) аѡнѣстѣи. въ
ѡ/внтели црѣстѣи, прѣчнстѣи/а влѣща нашеа бѣа, прѣнодѣзѣи/ марѣа. Въ
нарѣдѣмѣи лаврѣ, прѣа/бнаго ѣ бѡноснааго ѡца нашеа/го аѡанасѣа аѡтѡнскааго.
пѡа/криаѣмѣ, стѣго грѣгорѣа пала/мѣи. и прѣбнааго ѡца нашеа пѣ/тра. въ кѣци
стѣго славнааго/ прѣбрка наѣж. написася рѣкож/ многогрѣшнааго, и сѣмѣренна
ѣнока// аѡраамѣа рѣсина. Въ црѣтѣво, грѣче/скааго црѣа. кѣрѣ калѣана. пѡле/ѡлѡга.
ѣ при вселенскѣм патрѣи/арѣсѣ. кѣнѣстѣанѣинопѡль. кѣрѣ / ѡдѣа. помощьюъ бѣжѣю,
ѣ прѣне/сена въѣ ѡ грѣческааго црѣтѣва на/ рѣсь. бѣгомѣ спѣсаемѣи граѣ тѣе/рь.
при бѣолюбенѣм, ѣ бѣгочѣстѣивѣм/ ѣ самодрѣжавѣм. великѣм кѣнаѣѣ/ борнѣѣ,
аѡлѣксандрѡвнѣѣ. въ сла/вѣ живѡначалнѣѣи ѣ ѣдиносѣцинѣи/а трѣица. ѣ въ чѣсть
прѣбномѣ/ ѣ бѣоносномѣу ѡцѣу нашему савѣ/ ѡсценномѣу, и ѣнѣѣ и прѣно и въ
въ/кѣи въкѣмѣ аминѣ. при господѣи/нѣѣ ѡци нашему оучитѣли, и на/ставнѣици. ѣ
многѡмилѣсти/вѣм, ѣ братѡлюбенѣмѣ, савѣѣ нѣоумѣнѣи/ въдана въѣѣ книга сѣа. въ/
лѣтѣ, ̅. ̅. ̅. ̅. : - лл.104—104об.

В отличие от Евсевия-Ефрема Авраамий употребляет только **ъ** с **ъ** в составе (заметим, что **ъ** с **ъ** встречается в некоторых южнославянских рукописях, в частности, в Лествице 1387 г., написанной митрополитом Киприаном, болгаринном по происхождению).

Среди рукописей, созданных в 20-е—30-е годы XV в. восточнославянскими писцами на территории Древней Руси, немало таких памятников, в которых второе южнославянское влияние проявляется прежде всего в тех графико-орфографических особенностях, которые регулярно встречаются в рукописях Евсевия-Ефрема и

написанном на Афоне Сборнике житий 1431 г., но имеются и рукописи, значительно более последовательно воспроизводящие письмо среднеболгарских рукописей со всеми остальными их особенностями, такими, как смешение юсов, написания с ъ вместо ж, написания с @ в соответствии с /'a/, например, Сборник со Словами Симеона Нового Богослова 1430 г., написанный, вероятно, в Ростове (РГБ, Пряп., 133). Из всех известных нам древнерусских датированных рукописей наиболее точно воспроизводит среднеболгарское правописание лисицких Сборник со Словами Исаака Сирина 1431 г (РГБ, ТСЛ, 175). лишь благодаря отдельным, крайне редко встречающимся руссизмам можно предположить, что два основных его писца были все-таки русскими [Гальченко 1996].

Таким образом, хотя в XIV в. наиболее рано признаки грецизации и "южнославянизации" правописания проявляются в рукописях, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне, в XV в. в указанном отношении афонские и константинопольские рукописи уже не выделяются на фоне других памятников древнерусской письменности, поскольку с середины 10-х по 40-е годы этого века правописание, в значительной степени следующее нормам южнославянской письменности, утверждается в большинстве книгописных центров Древней Руси.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Российской Академии наук Отдел рукописной и редкой книги
ГИМ — Государственный исторический музей Отдел рукописей и старопечатных книг
РГБ — Российская государственная библиотека Отдел рукописей
РНБ — Российская национальная библиотека Отдел рукописей
ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
Волок — Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря РГБ, ф 113
Егор — Собрание Е. Е. Егорова РГБ, ф 98
Кир-Бел — Собрание Кирилло-Белозерского монастыря РНБ, ф 351
Пог — Собрание М. П. Погодина РНБ, ф 588
Пряп — Собрание Г. М. Пряпичникова РГБ, ф 242
Син — Синодальное собрание ГИМ
Солов — Собрание Соловецкого монастыря РНБ ф 717
ТСЛ — Собрание Троице-Сергиевой лавры РГБ ф 304
Усп — Собрание Успенского собора ГИМ
Чертк — Собрание А. Д. Черткова, ГИМ
Чуд — Собрание Чудова монастыря ГИМ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вздорнов Г. И.* 1968 — Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв // ТОДРЛ XXIII Л., 1968
- Вздорнов Г. И.* 1980 — Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков М., 1980
- Гальченко М. Г.* 1989 — К истории письменности и языка Юго Западной Руси XII—XIV вв Дисс канд филол наук Основной том Приложение (рпк)
- Гальченко М. Г.* 1994 — Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV—XV вв М., 1994
- Гальченко М. Г.* 1996 — Лисицкие датированные рукописи конца XIV — первой половины XV вв и проблема второго южнославянского влияния // *Palaeoslavica* (в печати)
- Живов В. М.* 1993 — Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV—XVII вв // Славянское языкознание XI Международный съезд славистов (Братислава сентябрь 1993 г.) М., 1994 С 106—121
- Жуковская Л. П.* 1987 — Грецизация и арханзация русского письма 2-й пол XV — 1 ой пол XVI в (Об ошибочности понятия второе южнославянское влияние) // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому М., 1987
- Зализняк А. А.* 1985 — От праславянской акцентуации к русской М., 1985

- Прохоров Г М* 1989 — Лествица Иоанна Синайского // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вторая половина XIV—XV вв Часть 2 Л , 1989
- Саенко Л П* 1981 — К истории славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского // Русско-болгарские связи в истории книжного дела М , 1981
- Соболевский А И* 1894 — Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв СПб , 1894
- Тиганова Л В и др* 1972 — Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря Фонд № 113 (Дополнительная опись)⁶ М , 1972.
- Турилов А А* 1995 — Болгарские литературные памятники эпохи первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв (заметки к оценке явления) // Славяноведение 1995 № 3
- Успенский Б А* 1987 — История русского литературного языка XI—XVII вв Munchen, 1987
- Щепкин В Н* 1967 — Русская палеография М , 1967
- Heppel M* 1957 — Some slavonic manuscripts of the "Scala paradisi" // Byzantinoslavica 18 (1957)
- Keipert H* 1985 — Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte // Litterae slavicae medi aevi Francisco Venceslao Mares Sexagenario Oblatae Munchen 1985
- Neues Testament des Čudov — Neues Testament des Čudov Klosters Bohlav Verlag Koln Wien 1989 (Фототипическое издание с изд Леонтия, митрополита Московского М , 1892)

⁶ В Описании Лествицы 1421 г Н Б Тихомиров не участвовал